

ОТЗЫВ официального оппонента
о диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук Савельева Виктора Сергеевича
на тему:
«Изображение устной коммуникации в «Повести временных лет»»
по специальности 10.02.01 – «Русский язык»

Диссертационное сочинение Виктора Сергеевича Савельева посвящено изучению диалогических структур в древнерусской летописи, а именно – в «Повести временных лет». Оригинальность авторского подхода состоит в использовании методов современной лингвистики, связанных с такими направлениями, как теория коммуникации, коммуникативная грамматика, теория речевых актов, теория речевых жанров, генристика, дискурсология. Это научное усилие, направленное на синтез филологии как интерпретации древнего текста и «чистой» лингвистики с ее методологической строгостью, определяет и актуальность, и новизну избранной темы и исследовательской оптики (на наш взгляд, эти параметры взаимосвязаны: актуально то, что представляется значимым и проблематизируется на пути к описанию еще не познанного).

В.С. Савельев ставит тройную цель: установить способы передачи речи персонажей в древнерусском письменном тексте; определить представления летописца об устной коммуникации; выявить структурные особенности изображаемой в «Повести временных лет» речи персонажей (см. с. 30 диссертации). Масштаб цели и соответствующих ей задач обуславливает масштаб диссертации, основная часть которой состоит из шести глав. Первая предлагает обзор мнений ученых, так или иначе касавшихся феномена прямой речи, и носит реферативный характер; во второй описываются структурные особенности прямой речи в летописном тексте (в том числе и сближающие ее с устной речью); третья глава характеризует диалогические фрагменты ПВЛ с точки зрения теории коммуникации, четвертая описывает

сегментные единицы диалогов, пятая – их коммуникативную структуру. Наконец, в шестой главе рассматриваются речевые портреты коммуникантов и речевые жанры, характерные для летописного текста.

Анализ материала со столь разных позиций позволяет диссертанту выявить и верифицировать такие свойства диалогического дискурса в ПВЛ, как нетождественность летописной прямой речи и реальной устной речи, историчность, гетерогенность, антропоцентричность, дидактичность, оценочность, «подразумеваемость», верифицируемость, стандартность, целостность и дискретность коммуникативного события, существующего в рамочной конструкции, позволяющей летописцу комментировать и оценивать (эксплицитно либо имплицитно) речевые поступки персонажей. Дискретность служит основанием для последовательной сегментации речевого потока на коммуникативные единицы различной степени сложности.

Вполне обоснованными и теоретически значимыми представляются выводы об отсутствии параллелизма информационной, синтаксической и коммуникативной структур в диалогах ПВЛ, полифункциональности их сегментных единиц, а также выявленные существенные отличия от современной русской устной речи (характер использования дейктиков, «размещения» энклитик, наличие финитно-причастных конструкций и другие признаки, которые могут учитываться при текстологической стратификации летописи). В результате сопоставления летописной и современной диалогической речи определены и черты их сходства: системно-структурная устойчивость, эгоцентричность, экономия речевых усилий, отношения иллокутивного вынуждения между репликами коммуникантов, общность коммуникативных составляющих, средств актуального членения.

Все вышеперечисленное позволяет считать диссертацию В.С. Савельева нетривиальным и состоятельным исследованием, которое вносит немалый вклад в науку. По ее результатам опубликовано более 30 научных

работ, из них 22 – в рецензируемых изданиях, ее положения обсуждались на международных и всероссийских научных конференциях в 2004–2019 годах.

Как и любая работа такого уровня, диссертация В.С. Савельева побуждает задать дискуссионные вопросы, предложить уточнения и исправления к некоторым решениям и формулировкам.

1. Описывая древнерусский текст лингвистическими методами, автор, вместе с тем, не свободен от некоего романтизма, который подталкивает к проникновению в сознание книжника – автора ПВЛ, и отменяет необходимую исследовательскую дистанцию: «...коммуникативное событие воспринимается летописцем как дискретный объект, в структуре которого выделяются определенные сегментные единицы (высказывание, реплика, интеракция, минимальная диалогическая единица)» (введение, с. 33; заключение, с. 603). Или: «Необходимость выразить эти значения двумя глаголами вместо потенциально возможного употребления одного в большинстве случаев выглядит избыточной с точки зрения современного носителя языка: вместо *въспрошаста*, ркуще «спросили, говоря» мы сказали бы *въспрошаста «спросили», вместо *ѡвѣшеваху* глюще «отвечали, говоря» – *ѡвѣщеваху «отвечали» т.д. Однако именно данная «избыточность» свидетельствует о том, что в сознании древнерусского книжника упомянутые характеристики КС и собственно локуция представляют собой связанные, но не тождественные явления, а потому требуют оформления при помощи разных средств» (с. 226). Как кажется, в обоих случаях фигуры наблюдателя-лингвиста и древнерусского книжника не разведены должным образом.

2. Следует также подчеркнуть, что употребление финитно-причастных конструкций – результат «этикетного» подражания летописцев библейским образцам, и его когнитивная подоплека весьма сомнительна. В.С. Савельев справедливо подмечает сходство употребления финитно-причастных конструкций в переводном тексте Евангелия и оригинальных летописных диалогах, однако его призыв к изучению истории их происхождения выглядит некоторым анахронизмом, поскольку на эти конструкции,

характерные изначально для языка Ветхого Завета, уже давно обращали внимание библеисты, в том числе отечественные (см.: Н.Н. Глубоковский. Греческий язык Нового Завета в свете современного языкознания, 1915; С.И. Соболевский. Греческий язык библейских текстов. М., 2013, с. 94–95).

3. Обсуждаемая диссертация существенно выиграла бы, если бы автор цитировал чужие мнения и работы менее пространно, обходясь компактным парафразом. Так, совершенно избыточной представляется первая глава «Лингвистическое изучение прямой речи в “Повести временных лет”», скомпонованная к тому же не по исследовательским подходам, а по персоналиям. Это решение вряд ли можно счесть удачным: оно привело к дисбалансу, при котором, с одной стороны, появились очень маленькие «дежурные» разделы (например, раздел 1.6. «Г.П. Ломтев»), а с другой – огромные цитаты, порой не имеющие никакого отношения к предмету, например: «В статье “К проблеме реконструкции и перевода Повести временных лет” (2012) П.В. Петрухин обращается к проблеме переводов “Повести временных лет”. Исследователь отмечает, что основной проблемой в этой области является то, что “до недавнего времени текстологические разыскания и работа над переводом (переводами) летописи осуществлялись как бы в параллельных плоскостях, что приводило к непоследовательности и произвольности многих переводческих решений” [Петрухин 2012: 232]. Еще одной серьезной проблемой является отсутствие у переводчиков должной лингвистической подготовки. С этой точки зрения, по мнению ученого, наиболее точным из всех существующих переводов оказывается перевод Л. Мюллера. Далее П.В. Петрухин приводит 8 примеров, подтверждающих это» (с. 80). Столь же избыточное цитирование встречаем в разделе 3.1. «Авторское представление об устной коммуникации в современных художественных текстах», а также на с. 402, 565–569.

Одна из цитат, приведенная как источник «показательного примера» (сноска 12, с. 15), вызывает некоторое недоумение: «Обилие глаголов движения во многом объясняет и существование в старославянском языке

такого странного (с точки зрения современного человека) прилагательного, как *благоголѣныйъ* 'имеющий крепкие ноги' СС, 86: необходимость актуализации этого атрибутивного признака в названии человека была вполне мотивированной с точки зрения языкового сознания средневекового человека, который передвигался в основном пешком» [Вендина 2002: 104]». Перед нами, скорее, пример методологической неувязки, когда переводному словарному гапаксу приписана актуализация в языковом сознании. По-видимому, сочувственное цитирование книги, недостатки которой были давно и убедительно продемонстрированы (см., в частности: Яковлев С.В. Критические замечания по поводу исследования Т.И. Вендиной «Средневековый человек в зеркале старославянского языка» // Яковлев С.В. Избранные статьи из истории культуры. М.: Индрик, 2008), также спровоцировано упомянутым выше романтизмом неогумбольдтианского толка.

4. Следующий пункт касается терминологии и некоторых формулировок автора. Так, во введении В.С. Савельев утверждает, что среди вводимых им в научный оборот новых понятий присутствует «иллокутивная рамка». Однако этот термин довольно давно встречается в научной литературе. Ср. у Герда Фрейдхофа: «...диалог продвигается вперед в референциальном отношении, т.е. в него вносится новый смысл, который дополняет содержание иллокутивной рамки» (Г. Фрейдхоф. Служебные языковые средства в структуре славянского диалога. Otto Sagner, 1995 (пер.с нем.), с. 83). И. Мельчук называет иллокутивную рамку конфигурацией семантем в исходной семантической структуре, «которая кодирует нужный акт речи...» (И. Мельчук. Исп. *sonó un portazo* ≡ англ. *A door slammed* ≡ рус. *Хлопнула дверь*. (meaning-text theory made easy) // Проблемы китайского и общего языкознания. К 90-летию С.Е. Яхонтова. СПб., 2016. С. 372). Хотелось бы получить комментарий, как соотносится понимание и применение термина в диссертации с узусом предшественников?

Обратимся теперь к собственно авторским формулировкам. Не вполне удачным кажется выражение, повторяющееся в задачах исследования (с. 30–31): «Анализ... позволит установить» – оно было бы уместно, скорее (с глаголом в прошедшем времени), в заключении при перечислении результатов.

Также вызывают вопросы окказиональные термины «современистика» (с. 91: «...все чаще, анализируя летописный материал, ученые обращаются к методам лингвистического исследования, применяемым в современистике») и «коммуникативистика» (с. 376: «...методов исследования современной коммуникативистики для описания летописного высказывания»). Первый, очевидно, должен означать либо современную лингвистику, либо синхроническое изучение языка; здесь, по крайней мере, ясен понятийный вектор. Термин «коммуникативистика», явно подразумевающий теорию коммуникации, выглядит, тем не менее, двусмысленно, поскольку обычно коммуникативистикой называется наука, изучающая системы средств и гуманитарных функций массовых информационных связей (см., например, «Учебный словарь терминов рекламы и паблик рилейшенз» на https://dic.academic.ru/dic.nsf/fin_enc/23990).

На с. 171 автор пишет: «Как уже отмечалось, в ПВЛ реплицирующий режим диалоговедения преобладает над нарративным». Из контекста следует, что имеется в виду режим ведения диалога, однако омонимия (по крайней мере, омография) с термином, означающим изучение диалога, не способствует ясности.

5. Также приходится указать автору на неточность интерпретации древнерусского текста в следующем случае: на с. 390 относительно контекста «конь мой, егоже бѣхъ поставиль кормити» утверждается, что «анафорическое *его* в качестве темы (1.2) соотносимой с темой (1.1), маркируется энклитикой *же*». Однако *же* в данном случае входит в состав формы относительного местоимения мужского рода (*егоже* – форма родительного и винительного падежа от *иже*).

6. Небольшое уточнение касается цитирования Св. Писания, о котором в диссертации идет речь в связи с речевым жанром молитвы. Устанавливая новозаветные источники молитвенных обращений, стоит иметь в виду, что Новый Завет, в свою очередь, цитирует Ветхий Завет. Так, выражение «Боже великий, створивый небо и землю», которое автор возводит к новозаветной книге Деяний 4:24 (с. 590, сноска 829), восходит также к Исх.20:11, Пс.145:6.

7. Наконец, скажем несколько слов об оформлении диссертации. На с. 47–50 предложен список терминов, используемых в работе, и источников, при этом в нем не указан источник НПЛ (Новгородская первая летопись). Вообще, список источников с соответствующими аббревиатурами обычно размещается перед библиографическим списком, а не в одном ряду с терминами.

При чтении работы заметно стремление автора детально структурировать текст, но оно парадоксальным образом производит обратный эффект: читатель рискует потеряться в рубрикации разделов, которая может иметь до шести уровней (несмотря на указание ГОСТ Р 7.0.97–2016 не использовать более четырех уровней рубрикации). Точку в конце заголовков также ставить не следует.

Вместе с тем, высказанные замечания не умаляют значимости диссертационного исследования. Диссертация В.С. Савельева «Изображение устной коммуникации в “Повести временных лет”» отвечает требованиям, установленным Московским государственным университетом имени М.В. Ломоносова к работам подобного рода. Содержание диссертации соответствует паспорту специальности 10.02.01 – «Русский язык» (по филологическим наукам), а также критериям, определенным пп. 2.1–2.5 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова; она оформлена согласно приложениям № 5, 6 Положения о диссертационном совете Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Таким образом, соискатель В.С. Савельев заслуживает присуждения ученой степени доктора филологических наук по специальности 10.02.01 – «Русский язык».

Официальный оппонент:

доктор филологических наук,
ведущий научный сотрудник
Отдела лингвистического источниковедения
и истории русского литературного языка
ФГБУН «Институт русского языка им. В.В. Виноградова
Российской академии наук»

НОВАК Мария Олеговна

10.04.2021

Специальность, по которой официальным оппонентом
защищена диссертация:

10.02.01 – «Русский язык»

Адрес места работы:

119019, г. Москва, ул. Волхонка, д. 18/2,
ФГБУН «Институт русского языка им. В.В. Виноградова
Российской академии наук», Отдел лингвистического
источниковедения и истории русского литературного языка
Тел.: +7 (495) 695-26-60; e-mail: ruslang@ruslang.ru

Подпись сотрудника ФГБУН
«Институт русского языка им. В.В. Виноградова
Российской академии наук» М. О. Новак удостоверяю:

